

Ж. Ж. Варбот
Москва

Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям. III¹

Общеизвестно, что в современных реконструкциях праславянского лексического фонда диалектные соответствия используются наравне с исторической и литературной лексикой славянских языков, причем диалектная приобретает еще дополнительную весомость в случаях, когда возникают подозрения относительно заимствованного, иноязычного происхождения слов литературных языков. Кроме того, разумеется, диалектизмы могут быть единственными продолжениями праславянских образований. Но и за пределами тех диалектизмов, которые являются прямыми продолжениями праславянских наследием образований, которые могут быть более поздними, но структурные и семантические характеристики которых существенны для подтверждения или опровержения тех или иных праславянских реконструкций и этимологических толкований.

Возможность такого рода аргументации определяется гнездовой организацией исконной лексики языка и, соответственно, сохранением или повторяемостью в составе каждого гнезда определенных семантических и структурных характеристик. Этим, кстати, определяется и значимость погнездовых исследований лексики для этимологии.

Следующая ниже первая группа диалектизмов представляется случаями сохранения архаичной семантики.

Курган. *поберѣстенеть* 'побелеть' [Лютикова, 118] и сиб. *берѣзни нагѣли* 'показывать зубы (очень сильно смеяться)' [СРГС I (1), 63] свидетельствует о сохранении за корнем *берез-* значения 'белый', а это подтверждает этимологическую версию о мотивации названий березы и, соответственно, бересты (**berza* и **bersta*) по признаку белого цвета. Примечателен и сам факт сохранения мотивационного признака в семантике слов.

¹ Предыдущие работы этой серии см. в изданиях: I – в сб.: *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci Profesora Franciszka Sławskiego* / Red. J. Ruska, W. Borysia, L. Bednarczuka. Kraków. 2002. S. 205–208; II – *Rocznik Sławistyczny*. T. 53 (в печати).

Значение влг. *безрукой* 'очень сильный (о ветре)' [СГРС 1, 88], явно производного от *рука*, допускает (при соотнесении с *рука*) реконструкцию более древней семантики *'несдерживаемый, неохватный'. Это позволяет далее предполагать, что для *rQka признак хватания, хватки (соответствующий родству с лит. *riñkti, reñka* 'собирать') был не только основой мотивации, но и вошел как составной элемент в первичное значение слова. Ср. предложенное ранее аналогичное толкование для сиб. *рукá* 'попадание (в игре)'².

Арх. *довытѣривать* 'закончить перебирать ягоды' [АОС 11, 233] соотносимо по значению (= 'отбрасывать') с ряз. *терять* 'гнать, прогонять' и поэтому может быть присоединено к числу свидетельств о сохранении в русском языке рефлексов и.-е. **ter(e)* – 'достигать, преодолеть' > праслав. **ter-* 'гнать' (представленного в основном южнославянскими глаголами), слившегося на праславянской почве с **ter-* 'тереть'³.

Арх. *дѡмна* 'женщина, сведущая в колдовстве' [АОС 11, 379] может быть производным от глагола **dQti, *dъmQ*: ср. его продолжение смол. *дмѣться* 'надеяться, думать' [СРНГ 8, 71], что усиливает семантические основания для введения в это гнездо, по версии Г. Якобссона, на базе процедуры вторичного аблаута, также праслав. *duma [ЭССЯ 5, 155–156]⁴.

Другая группа диалектизмов существенна для праславянской этимологии и в семантическом, и в структурном планах.

Орл. *расчвѣлить* 'стать труднопроезжим, труднопроходимым в результате дождей, таяния снегов (о дороге)' [Орл. сл. 12, 131] является по своей основе *чвал-* словообразовательным вариантом праслав. *čьvati (рус. *чванный*, польск. диал. *swanu* 'хитрый, ловкий'), для которого Трубочев (вслед за Потемной) принял образование от несохранившегося глагола *čьvati 'разбухать, надуваться' [ЭССЯ 4, 178–179]. Диал. *расчвалить* подтверждает и структуру корня **čьv-*, и первичность семантики физического разбухания.

Олон. *гумѣть* 'ласкать, приголубливать' [СРНГ 7, 229] семантически гармонирует с ц.-слав. *погымати* 'φηλαφᾶν, palpare' [Miklosich LP, 592] и

² Варбот Ж. Ж. О специфике диалектной этимологии // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6. С. 17.

³ Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология. 1982. М., 1985. С. 27–28.

⁴ О формальных основаниях – лексемах с корнем **dum-* (смол. *думать* 'дуть, вздуть', ср.-урал. *дўмна* 'закваска из хмеля') см.: Варбот Ж. Ж. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям // Dzieje Słowian w świetle leksyki. S. 206. Ср. еще смол. *раздумать* 'раздуть (огонь)', *раздуматься* 'развеваться, колыхаться на ветру' [СРНГ 33. 335].

одновременно с продолжениями праслав. *gъmatati: чеш. *hmatati* ‘шупать’. слов. *hmatat* ‘касаться руками’. польск. диал. *gmatusić* ‘давить’. Тем самым подтверждается генетическое единство форм с вариантами корня **gъm-* / **gъm-* / **gъm-* и первичность для этого корня семантики ‘сжимать, давить’, которая и лежит в основе мотивации праслав. *gъmьno, образованного, по версии Г. Шустера-Шевца, от корня **gъm-* (не обнаруженного, впрочем, этим ученым в славянской лексике)⁵.

Значение диалектизмов для праславянской этимологии возрастает при возможности определения их как единичных продолжений праславянских или индоевропейских корней или основ. Вероятность этого соответствует современным представлениям о праславянском языке как диалектно-сложном, неоднородном единстве. Тем более важно возможно более полное критическое обозрение соответствующих материалов на предмет исключения версий об образовании анализируемой лексемы в составе более распространенных праславянских этимологических гнезд. Именно в этом плане вызывает сомнение гипотеза об образовании ряз. *нѣткиголови* ‘о чем-либо самом лучшем’ [Деул. сл., 341] (в контекстах – о девушках и поросятах) как сложения, первая часть которого восходит к праслав. *нѣти ‘нести, приносить’⁶. Этот глагол реконструирован О. Н. Трубачевым на основе сербохорватского материала как праславянский диалектизм [ЭССЯ 25, 105], и было бы очень важно обнаружить его производное в другом славянском языке. Но русским говорам хорошо известны обозначения словом *головка*, *головки* не только самого лучшего, отборного, но прежде всего – верхних частей различных предметов, в том числе – цветов [СРНГ 6, 308: см. *желтые головки* ‘купальница’, *жуковы головки* ‘черноголовник’, *змеевые головки* ‘истод’, *чертовы головки* ‘гравилат’] и завязей растений [Там же]. В то же время есть *нѣтки* ‘усики ползучих растений’ [СРГС 2, 382; СРНГ 21, 175], *нѣтына* ‘ботва картофеля’ [СРГСУ 2, 206], *натина* ‘ботва огородных растений’ [СРНГ 20, 219] (вероятно, все от праслав. *natъ), которые, будучи названиями ботвы, также являются обозначениями верхней части растения. В таком случае сложение *нѣткиголови* может быть соединением двух синонимичных основ (ср. *трын-трава*) с первичной мотивацией ‘вершки-головки’, откуда значение ‘самое лучшее’.

Другой случай этого рода – этимологизация украинских и русских гидронимов *Снова*, *Сновь*. Фасмер предполагал для них родство с др.-инд. *snauti* ‘течь’ [Фасмер 2, 699]. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев при-

⁵ *Варбот Ж. Ж.* Вокруг славянского гумна // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 615–617.

⁶ *Чумакова Ю. П.* Из этимологических примечаний к лексике рязанских говоров // Этимология. 1982. М., 1985. С. 101–102.

няли заимствование из индо-иран. **snav-* (ср. др.-инд. *snauti* 'течь')⁷, а Шютц обнаружил соответствие в немецких гидронимах верхнего Майна (нем. *Schney*; стар. *Znuwia, Cenewe, Cenewa*, XI в.), возводимых к слав. *sny / *snъvъ, от и.-е. **sneu-* 'течь', что затем признал и Трубачев⁸. Не следует ли, однако, обратить внимание на новг. *оснуткі* 'водоворот' [НОС 7, 27], которое явно и по корню, и по значению близко к *Снова, Сновь*, и далее на нижегор. *оснóвной* 'хороводный' [СРНГ 24, 35], которое при том же потенциальном корне обнаруживает семантику кругового движения и тяготеет скорее к гнезду праслав. **snov-* 'сновать' (< и.-е. **sneu-* 'вертеть' и 'быстро поворачиваться, двигаться') [Рокопу 1, 1053])? Очевидно, что и в *оснутки* 'водоворот' обозначение водного объекта мотивировано круговым движением, так что *оснутки* и *оснóвной* являются потенциальной структурно-семантической связью между *snuti и *Снова, Сновь*. Примечательна и возможность функционирования слав. *snovati в качестве обозначения однонаправленного движения: ср. чеш. диал. *snut' sa* 'идти, лезть, проникать' [Machek, 593: *snouti*], польск. диал. *wysnuć się* *'вырваться, высипаться' [о шершнях, Karłowicz 6, 231]. В структурном отношении *Снова, Сновь* могут с равной степенью вероятности восходить и к *snъva (как немецкие славянизмы), и к *snova. И для слав. *snuti, кажется, не исключена возможность образования имени со структурой *snъva (ср. итератив ст.-слав. *оснывати*, с.-хорв. *osnivati*). Во всяком случае, близость русских диалектизм, производных от *snuti, к *Снова, Сновь* делает необязательной производность последних от и.-е. **sneu-* 'течь'.

А. А. Калашников
Москва

Об этимологии русского диалектного *рог*

В новгородских говорах отмечено существительное м. р. *рог* 'злоба, злость на кого-л.': *Вскипел рог на человека, надо же сказать такое* (Новгородский р-н Новгородской обл. [НОС 9, 143]). Это слово еще как будто не получило интерпретации в этимологической литературе. Между тем можно думать, что перед нами – образование исключительной древности, своего рода реликт, с характерными связями за пределами славянских языков.

⁷ Топоров В. И., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М., 1962. С. 149.

⁸ Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2002. С. 398.